

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 541-548, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years

¹ Aleksandr A. Cherkasov
² Vladimir G. Ivantsov
³ Elena S. Ustinovich
⁴ Nina I. Kryukova
⁵ Violetta S. Molchanova

^{1, 2} Sochi State University, Russian Federation

¹ Dr. (History), Professor

E-mail: sochio03@rambler.ru

² PhD (History), Assistant Professor

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Doctor of political Sciences, Professor

E-mail: lenausti@mail.ru

⁴ Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997

Doctor of legal Sciences, Professor

E-mail: info@rea.ru

⁵ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article on the base of first introduced in scientific use the archival documents considers the facts of the adoption by Ubykh princes the oath of allegiance to the Emperor Nicholas I. The article was preparing by using the documents of the Russian state historical archive, the state archive of the Krasnodar region and the archival Department of Sochi administration. The authors show that in the first half of the 1840s years the Ubykh princes and the russian administration have taken the effective steps to appease the region. As a result, some of the Ubykh princes became the officers of the Russian Imperial army. However, the total peace has not happened. The reason for this was the disunity of mountain society, occurred as a result of Russia's policy.

Keywords: the Ubykhs, Circassians, mountain princes, the oath, russian administration, Nicholas I, foreign emissaries, amanats.

Введение

Время конца XVIII – первой половины XIX вв. для убыхского общества оказалось богатым на судьбоносные события. В 1785 году в целом централизованное убыхское общество оказалось в ходе гражданской войны дезорганизовано. Гражданская война была спровоцирована извне, а именно восстанием в Чечне шейха Мансура. В результате социальных потрясений убыхская знать потеряла свою власть, а в регионе начал насаждаться ислам, запрещенный до этого на прибрежной территории. Подобное развитие событий вызывало противостояние в части горского общества. В статье ставится задача рассмотреть практику перехода части убыхской знати на русскую службу.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали документы Российского государственного исторического архива, государственного архива Краснодарского края и архивного отдела

администрации города Сочи. Значительная часть архивных источников впервые вводится в научный оборот.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Обсуждение

Проблемы взаимодействия причерноморских горцев с русской администрацией исследованы не достаточно полно. В советской историографии Кавказская война была признана народно-освободительной борьбой горских народов против русского самодержавия. Ввиду такого клиширования произошло определенное сужение тематики исследований. В 2000-е годы в российской печати был опубликован ряд статей, в которых рассматривались вопросы перехода на русскую службу горцев в условиях войны. К таким авторам мы можем отнести труды Е.В. Новикова [1], И.З. Суханова [2], В.Б. Каратаева [3], А.А. Черкасова и др. [4]

Результаты

В начале 1830-х гг. когда для горцев стало очевидно, что их территория перешла под юрисдикцию Российской империи в горском обществе начинаются брожения. В горской среде начинают серьезно обсуждать необходимость покориться России и лишь прибытие иностранных эмиссаров сорвало реализацию этих планов [5]. В результате 1837–1841 гг. стали для убыхов периодом значительной военной антирусской активности. Не сумев военным путем ликвидировать русское присутствие в регионе, в горском обществе вновь начинает рассматриваться вопрос о присяге на верность русскому императору. Необходимо отметить, что русская администрация активно использовала для достижения умиротворения своих представителей из числа горцев.

Так, в апреле 1841 года под влиянием владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе джигетские князья Хамыш, Гечь, Цанба, Чуу и др. выразили покорность русской администрации. Как следствие на территории Джигетии было образовано джигетское приставство, вошедшее в состав Абхазии. Приставство простиралось от реки Бзыбь до современной территории Хосты. Если учесть, что самый владетельный убыхский князь Али Ахмет Облагу (в другой транскрипции Аубла Ахмет), в номинальном подчинении которого были прибрежные убыхи, тоже тяготел к вступлению на подданство к России, то в целом ситуация для русской администрации складывалась удачно.

Важную роль в деле противодействия России играли так называемые черные черкесы – горцы, проживающие в горах. Основным занятием черных черкесов был разбой, именуемый хищничеством. Этим они в корне отличались от белых черкесов прибрежной зоны, которые занимались торговлей и сельским хозяйством.

Долгое время лидером горных черкесов был князь Хаджи Берзек и именно с его именем связано противодействие горцев русской администрации. Будет неверным утверждение, что черные черкесы априори были непримиримыми врагами Российской империи. Вся их враждебность выражалась в традициях хищнического образа жизни, который был обусловлен условиями существования и считался естественным. Адекватно ответить на разбой черных черкесов не представлялось возможным ввиду удаленности и труднодоступности мест их обитания. В результате белые черкесы пытались идти на диалог с русской администрацией, а черные – предпочитали наживу.

Опасаясь усиления русского влияния в Джигетии Хаджи Берзек начал планировать свое вторжение к соседям, но эти планы через лазутчиков стали достоянием русской администрации и в форт Святого Духа (близ Адлера) были переброшены русские экспедиционные части. В результате появления экспедиционных частей на границе Убыхии с Джигетией, убыхские предводители решились на переговоры с русской администрацией.

Встреча сторон состоялась 9 мая 1841 года в укреплении Святого Духа. Русскую делегацию представлял начальник Черноморской береговой линии (ЧБЛ) генерал Анреп. Номинальным руководителем убыхской делегации был Хаджи Берзек, которому в это время было около 80 лет, и он главенствовал на правах старшинства. В ходе переговоров среди убыхов выявились принципиальные разногласия. Так, предводитель сочинских убыхов князь Али Ахмет Облагу выразил желание незамедлительно вступить в русское подданство. В тоже время убыхи из Вардане выступали против такого намерения.

Спустя 3 дня, 12 мая 1841 г. убыхский князь Али Ахмет Облагу первым принял торжественную присягу императору Николаю I за себя и всех подвластных ему дворян и простолюдинов на вечное подданство и обязался выдать в аманаты своего сына и двух сыновей из числа знатнейших своих дворян [6].

В день принятия присяги русской администрацией форта Навагинского Али Ахмету был поднесен значительный подарок – 200 р. серебром. Не остались обделены вниманием и его дворяне: Урусбий и Хатазух получили по 30 руб. серебром [7]. Более того, убыхский князь Али Ахмет Облагу был представлен к чину капитана русской армии с годовым жалованием в 300 руб. серебром [8]. Чин

капитана ему и был вскоре присвоен [9]. Таким образом, русская администрация увеличивала количество своих союзников среди горцев.

Однако инициатива Али Ахмет Облагу была встречена враждебно соплеменниками. Уже 20 мая князь Али Ахмет Облагу и практически все участники переговоров были арестованы. Выйти вновь на свободу Али Ахмет Облагу смог лишь после отречения от присяги на верность Николаю I.

Важную роль в этом деле сыграли иностранные эмиссары, которые сумели в очередной раз использовать в своих интересах менталитет убыхов. Активизация эмиссаров привела к тому, что в конце июля убыхи перешли к боевым действиям. Уже, 29 июля началась бомбардировка форта Навагинского. Крепость сразу же была усилена 150 солдатами Тенгинского полка [10].

30 июля на 2 кораблях в форт было доставлено еще 600 чел. В этот же день в ходе артиллерийского обстрела крепости снаряд горцев попал в склад боеприпасов. Это был единственный такого рода удачный случай для убыхов. Передний блокгауз взлетел на воздух, начался пожар вблизи порохового погреба, однако он был потушен. В форт прибыли еще 250 чел., но на рассвете 31 июля горцы прекратили обстрелы и разошлись по домам. Их орудия были свезены в глубокие овраги, находящиеся в значительном отдалении от форта [11].

В октябре 1841 г. русскими войсками под командованием генерал-майора Анрепа был предпринят первый показательный рейд по берегу от крепости Святого Духа до укрепления Навагинского. Участник этих событий М.Ф. Федоров в своих мемуарах «Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г.», отмечал, что русский отряд состоял из 8 тыс. солдат и офицеров имел на вооружении артиллерию. Активно использовалась для поддержки пехотных частей огневая мощь артиллерии русского флота, действующего со стороны моря [12]. Однако горцы оказали жестокое сопротивление. В отряде за период рейда с 8 по 10 октября были понесены потери убитыми, ранеными и заболевшими почти в 700 человек (37 обер-офицеров и 634 нижних чина).

О результатах рейда генерал Анреп доносил командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Головину: «Имею честь донести, что вчера вверенный мне отряд прибыл в укрепление Навагинское. Этот переход продолжался трое суток, которые ознаменовались рядом бесчисленных подвигов, убыхи были все в сборе и под предводительством Хаджи Берзек отчаянно оспаривали каждый шаг... Наша потеря значительна, но неприятель потерял еще больше. Вчера после отчаянной атаки на наше правое прикрытие Хаджи Берзек оставил место боя, сказав: “Теперь дерись кто хочет, а я еду домой”» [13]. По данным того же источника горцы за три дня боев потеряли 1,7 тыс. чел. [14]

Сухопутная операция имела последствия. Убыхи сделали для себя выводы и количество тех, кто стал желать дружбы с Россией, резко возросло. Так, 28 февраля 1842 года в форте Головина жители долины Субаши убыхские князья: Шеулех-уко-Алицук-Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз-Берзек, Шеулех-уко-Эдик-Берзек и Шеулей-уко-Мату-Берзек, присягнули за себя и всех своих подвластных на вечное подданство российскому императору. Процедура принятия присяги прошла с соблюдением протокола [15].

Новые подданные обещали употребить все зависящие от них средства, дабы склонить к покорности все население Субашской долины, но, не ручаясь за скорый успех, полагали, что вопрос о покорении второй половины убыхского племени, будет решен к 15 марта [16].

Присяга на подданство принималась посредством оставления отпечатков пальцев на клятвенном обещании, и было составлено на двух языках (русском и арабском). В документе были следующие пункты:

1. Мы признаем себя, на вечные времена, подданными Великого Государя Императора Николая Павловича Самодержца Российского;
2. Клянемся Его Императорскому Величеству Великому Государю нашему быть верными и нелицемерными и повиноваться властям, которые нам будут установлены;
3. Клянемся не участвовать ни в каких разбоях или хищничествах и не давать у себя пристанища разбойникам и преступникам, кои будут преследуемы Русским правительством;
4. В случае если непокоренные горцы предприняли что-то против земель и крепостей, принадлежащих Великому Государю нашему, то клянемся не пропускать таких враждебных партий через наши земли и отражать их силой оружия, а если будем не в силах, то немедленно извещать обо всем Русское начальство;
5. Русских пленных и беглых клянемся не покупать и не продавать и у себя не держать, но представлять русскому начальству, за что нам будет выдаваемо за каждого солдата по 10 руб. серебром;
6. Для предохранения от внесения чумы, клянемся не принимать к себе судов, иначе как с ведома русского начальства, а если судно придет к нашим берегам тайно, то незамедлительно давать знать ближайшему русскому начальству;
7. Для прекращения несогласий и обид, случающихся между нами и соседними подданными Государя Императора, не употреблять оружия и самоуправства, но обращаться для разбирательства к Русскому начальству;
8. Для сношения с Русским начальством по собственным делам нашим, обязываемся избрать из среды себя, одного почетного человека, коего будем уважать и считать как главу своего народа;

9. В обеспечении верности этой присяги мы обязываемся выдать в аманаты на воспитание по востребованию, мальчиков от 7 до 12 лет, самых почетных и уважаемых родителей.

Если кто из нас нарушит эту клятву то да постигнет того страшный гнев Бога, в сей и будущей жизни; да обратятся на главу его все несчастья; да восстанут против него братья его; родной сын да поднимет меч на главу его; все родные и соотечественники да чуждаются такого клятвопреступника и бегают от него, как от позора в подтверждение сей нашей клятвы целуем священные слова Ликорана и подписываемся. На подлинном руки приложили (то есть отпечатки пальцев) [17].

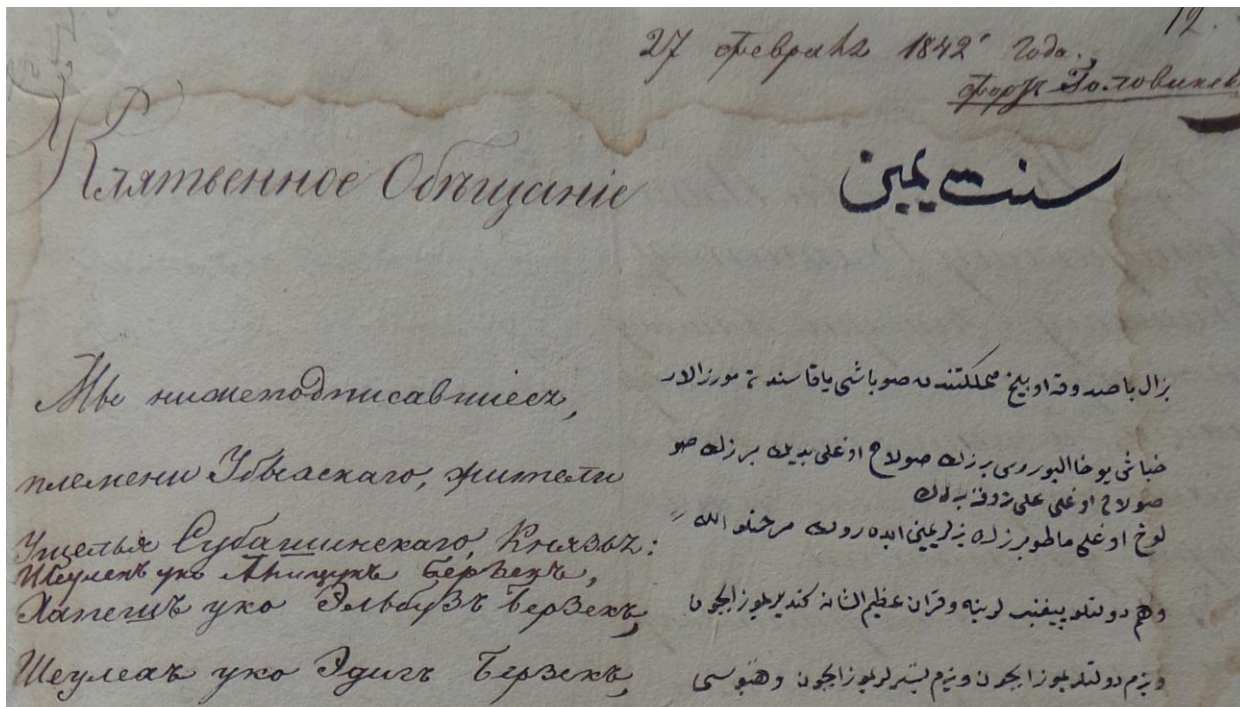

Рис. 1. Первый лист клятвенного обещания

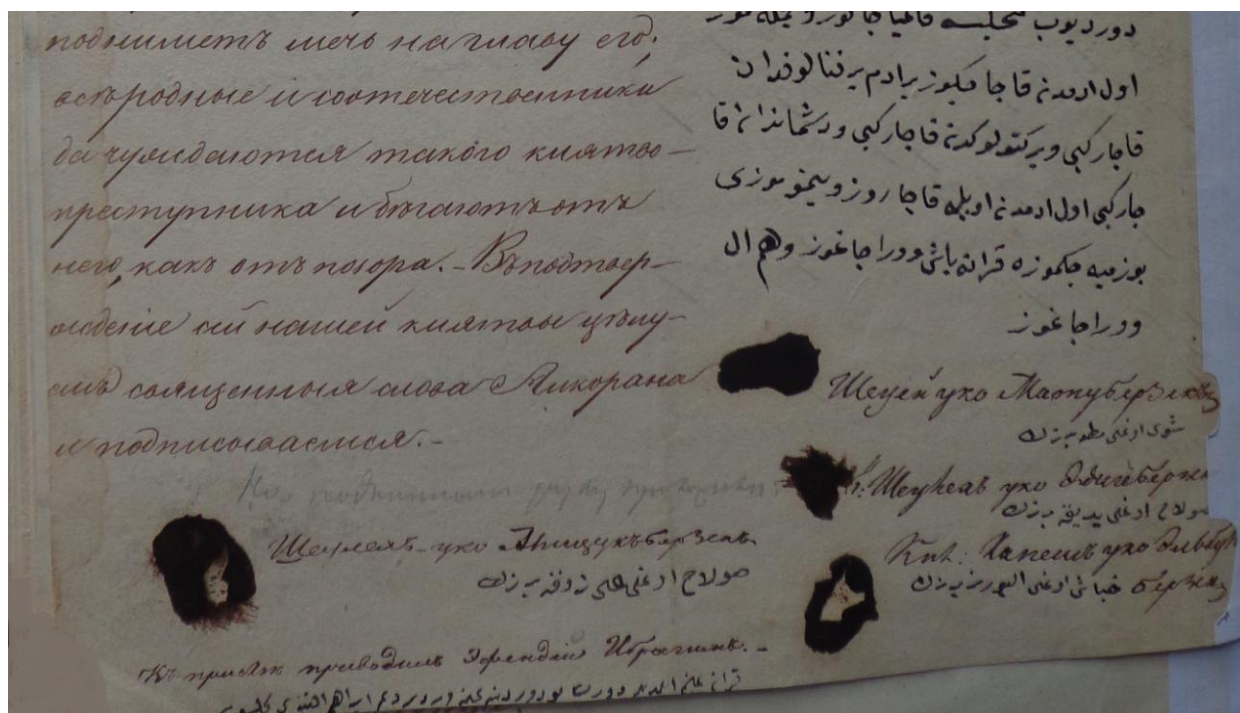

Рис. 2. Последний лист клятвенного обещания с отпечатками пальцев убыхских князей

В рапорте начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майора Муравьева на имя начальника Черноморской береговой линии генерал-майору и кавалеру Анрепу отмечалось, что «воинский начальник Головинского форта капитан князь Туманов донес мне рапортом от 17 февраля, что убыхские князья из фамилии Берзекоев неоднократно приезжали во

вверенное ему укрепление и просили представить из ко мне для заключения условий о принятии ими покорности Государю Императору со всеми их подвластными до 2 тыс. дворов проживающими вверх по ущелью реки Субаши и в окрестностях» [18]. Вместе с тем сообщалось, что убыхи хотели покориться на тех же условиях, что и джигеты [19].

Начальник 3-го отделения высказывал надежду, что покорение субашинских жителей и особенно живущих в верховьях по ущелью к Главному Кавказскому хребту, неминуемо приведет к покорности и сочинских убыхов [20].

16 марта 1842 года начальник ЧБЛ Анреп ходатайствовал перед корпусным командиром о присвоении четырем убыхским князьям чинов – поручик с назначением им жалования в размере 200 руб. серебром в год. В качестве заслуг было отмечено, что они первые нарушили союз, связывающий против русских всех убыхов [21].

Помимо этого Анреп отмечал: «В рапорте я называл этих убыхов князьями, ибо они себя так именуют и таковыми их признают джигеты. Берзеки могут быть причислены только к высшему дворянству» [22].

3 апреля начальник 3-го отделения подполковник Плац-Бек-Кокум отрапортовал, что четыре пары кавалерийских эполет для убыхов, вновь произведенных в поручики, получены [23].

17 октября 1842 года в форт Головинский прибыл поручик из убыхов – князь Эдик Берзеков и сообщил начальнику форта князю Туманову, что он собрал желающих на подданство России из знатных князей и дворян до 200 человек и в связи с этим просил начальника 3-го отделения генерал-майора Муравьева приехать в форт для принятия присяги от них и разрешения дозволить мену разных продуктов на соль. В связи с этим князь Туманов обратился к генералу Муравьеву прибыть в форт, а также просил доставить в форт для меновой торговли соль [24].

10 ноября 1842 года генерал-майор Муравьев рапортовал Анрепу, что «он со всей бы готовностью поспешил бы в форт для принятия присяги, зная, что **всякое покорение горцев без употребления силы оружия согласно с волею Государя Императора**, но, к сожалению, приехать не сможет ввиду отсутствия у него парохода, который ушел в Керчь» [25].

Необходимо отметить, что процедура приведения к присяге горцев требовала значительных средств от русской администрации. Так, по данным за ноябрь 1842 года из штаба ЧБЛ начальнику 2-го отделения генерал-майору графу Опперману были переданы вещи для подарков горцам. В их числе было: бархат фиолетовый на 187 руб.; швейное серебро и золото на 89 руб.; часы серебряные с золотыми цепочками и ключами (4 шт.) – 160 руб.; меха лисьи 2 шт. 160 руб.; меха хорька 2 шт. 138 руб.; меха беличьи 2 шт. 78 руб.; сукно; материя на 118,6 руб.; бархат на 409 руб.; сафьян на 72 руб. [26].

Для встречи с горцами в конце ноября в Головинский форт отправился начальник 2-го отделения генерал-майор Опперман. По прибытии он пригласил к себе поручика Эдик Берзека, который спустя два дня прибыл к нему в сопровождении нескольких почетных жителей долины Субаши из фамилии Берзеков. Они подтвердили, донесение майора князя Туманова объявив, что значительное количество убыхских дворян желают принять присягу на верность Его Императорского Величества [27].

Через пять дней они возвратились. Вместе с ними прибыло 28 человек дворян, из которых каждый имел в горах известное влияние. Они единогласно объявили, что готовы дать присягу, притом чтобы от них не требовали аманатов. «Может быть, время, – говорили они, – изгладит недоверчивость народа, который до сих пор смотрел на русских как на врагов непримиримых. А потому мы просим Вас не требуйте от нас на первый случай слишком многого. Присяга есть с нашей стороны очень важный шаг, довольствуйтесь этим, не требуя аманатов, которых мы не можем дать. Впрочем, мы посоветуемся в горах с другими людьми, имеющими еще более голосу в народе, назначьте нам срок, мы опять соберемся еще в большем числе, и Вы окончательно узнаете, на что мы решились» [28].

Генерал-майор Опперман дал им 10 дней. При этом Опперман писал: «Я не сомневаюсь в искренности тех Берзеков, которые имели со мной свидание, но я вправе опасаться, что они встретят затруднение склонить других дворян на выдачу аманатов, так как непреклонная воля многих враждебных фанатиков сильно противодействует их намерениям. Дело осложнено смертью Гассан-Бей, известного своим влиянием, отправившегося за неделю до моего приезда в Навагинское укрепление, и там скоропостижно скончавшегося. Эта потеря для нас тем чувствительна, что Гассан-Бей намеревался отдать сына своего аманатом и тем показать убыхам какую доверенность может иметь к Русскому правительству. Несмотря на угрозы неприязненных горцев, большое число убыхов ежедневно приезжают сюда для меновой торговли. Если в Головинском форте мы будем иметь запас соли и турецких товаров, в коих они нуждаются, тогда можно ожидать, что торговые отношения с убыхами будут иметь самые благоприятные последствия» [29].

Необходимо отметить, что выдача аманатов являлась наилучшим способом удержать горские племена в покорности. Аманатов требовала не только русская администрация, но и мусульмане. Так, например, еще в 1785 году так называемый имам Ушурма-ших Мансур требовал из Шали, чтобы андреевские и аксаевские князья Чечни выдали ему аманатов. С целью – «дабы они были послушны его повелениям» [30].

Весной 1842 года активизировались и сочинские убыхи. Из рапорта начальника 3-го отделения подполковника Плац-Бек-Кокума начальнику Черноморской береговой линии генералу Анрепу: «1 марта 1842 года прибыл ко мне субашинский житель, турок Хасан Сулиман Ипа и объявил, что известный Вашему превосходительству сочинский князь Обла Ахмет (он же Аубла Ахмет – Авт.) оказался недалеко от укрепления Головинского и, раскаявшись в сделанном им проступке (имеется ввиду отречение от присяги данное им в мае 1841 года – Авт.), просил позволения моего, представиться ко мне.

По дозволению ему этого, он явился ко мне с угрызением совести, сердечным раскаянием и всепокорнейшей просьбой – быть его ходатаем пред Вашим Превосходительством в испрошении ему Всемилоостивого помилования, и что он ныне и впредь на вечные времена с потомками и подвластными своими он желает быть верноподданным нашему Государю – будучи искренно убежденным, что другого счастья в этом мире ему предстоять не может и в верности своей всенародно готов учинить вновь присягу – сознаваясь при таковой в прежнем своем заблуждении.

Не имея права, что-либо решительно ему обещать, я объявил – только что Ваше Превосходительство изволит прибыть в форт Головинский к 15 марта и, что к этому времени прибуду сюда и я, тогда он может явиться и предстать перед Вашим превосходительством и что Вами лишь может быть решена его участь. Ответ мой он принял с покорностью и с твердым желанием, принеся свое раскаяние, просить Вашего покровительства" [31].

В результате Али Ахмет Облагу был восстановлен в присяге и чине капитана русской армии.

11 января 1843 года стараниями капитана Аубла Ахмета русской администрации был представлен список убыхских дворян, желающих принять присягу на верность императору.

В списке 33-х почетных убыхских дворян фигурировали две фамилии:

1) дворяне фамилии Джани или Дграни: Махметаль, Патто, Состанкул, Зекере, Патаршагу, Джевчис, Состамурза, Аписуг.

2) дворяне фамилии Фагуа: Вазуршей 1-й, Вазуршей 2-й, Джушгат, Ахмет, Эберхам, Шимаф, Еслам, Татипстан, Зокику, Геттс, Омер, Мшагуст, Якуб, Систахула, Хозербек, Асланух, Гучус, Бат, Мурза, Тешруха, Хотшир, Патух, Эбар, Глят, Проп [32].

Приняли ли данные убыхи присягу из имеющихся документов – не ясно. Других документов на эту тему не обнаружено.

В конце 1843 – начале 1844 годов проблемой для принятия присяги всеми убыхами Субаши стало основание, чтобы турки официально горской депутации заявили, что помогать горцам не будут. Вопрос об отправке в Константинополь горской депутации курировал сам император Николай I, который распорядился выдать казенное судно для этой цели. Помимо этого данный вопрос находился в разработке и в Российской императорской миссии в Константинополе [33].

В апреле 1844 года стало очевидным, что старшины от шапсугов и натухаевцев не только не хотят ехать в составе депутации, но и не хотят говорить об этом народу, боясь высказать этим приверженность к русским [34].

В условиях последующего обострения противостояния горцев и русской администрации представители горцев, из числа поступивших на русскую службу, предлагали проведение конкретных мер по привлечению местного населения на сторону России.

Так в июле 1846 года командир Кубанского казачьего полка подполковник султан Казы-Гирей обратился с письмом к командиру Отдельного Кавказского корпуса князю М.С. Воронцову. Казы-Гирей предлагал избрать из числа уважаемых горских фамилий человека, пользующегося доверием народа, который будет одаривать узденей (из русской казны) и привлекать их в пользу России. Так же предлагалось демонстрировать уважение к мусульманскому духовенству и секретно делать подарки муллам. Советовалось принимать меры к развитию меновой торговли в крае. Наконец, опираясь на преданных России горцев, распространять в народе мнение о выгодах мира с русскими и несбыточность надежд на иное развитие событий. На это предложение М.С. Воронцов написал на полях: «Мера полезная». Эта и другие ремарки князя свидетельствуют о возможности в целом принять рекомендации с учетом их значительных издержек [35].

Следует отметить, что предлагаемые Казы-Гереем паллиативные меры практиковались русскими властями, но ожидаемого существенного результата в умиротворении края не дали.

Заключение

В первой половине 1840-х гг. убыхскими князьями и русской администрацией предпринимались совместные шаги к умиротворению края. В результате ряд убыхских князей принимали присягу на подданство России и зачислялись на службу в качестве офицеров русской императорской армии. Однако полного умиротворения не произошло. Негативную роль в развитии событий играли разобщенность горского общества в ориентациях, существование всячески противодействовавших русской политике черных черкесов, пропаганда иностранных эмиссаров. В условиях продолжавшейся Кавказской войны возможными оказались лишь паллиативные меры со стороны русской администрации, не подкрепленные комплексом мероприятий социально-экономического характера в отношении местного населения.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы НИР «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)». Сочи, 2014–2015.

Примечания:

1. Новиков Е.В. Горцы на русской службе // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 4–20.
2. Суханова И.З. К вопросу о государственно-политическом устройстве «демократических племен» адыгов начала XIX века // Русская старина. 2010. № 2 (2). С. 9–11.
3. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2 (4). pp. 143–146.
4. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64–72.
5. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014. № 1, pp. 4–12.
6. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–8.
7. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
8. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
9. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 833. Л. 3.
10. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
11. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1879. Т. 3. С. 213.
13. Там же. 1881. Т. 9. С. 513.
14. Там же. С. 520.
15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 5.
16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 50б.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 6–7.
18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 9.
19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 90б.
20. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 10.
21. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 15.
22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 150б.
23. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 22.
24. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 25–250б.
25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 270б.
26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 34–340б.
27. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 370б.
28. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 37–370б.
29. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 38–380б.
30. Юдин П. Лжепророк Ушурма-ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. 1914. № 10. С. 221.
31. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289. Л. 11–14.
32. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 112.
33. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 20–45.
34. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390. Л. 108.
35. Российский государственный исторический архив. Ф. 932. Оп. 1. Д. 88. Л. 6–130б.

References:

1. Novikov E.V. Gortsy na russkoi sluzhbe // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. S. 4–20.
2. Sukhanova I.Z. K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom ustroistve «demokraticheskikh plemen» adygov nachala XIX veka // Russkaya starina. 2010. № 2 (2). S. 9–11.
3. Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2 (4). pp. 143–146.
4. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014) The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.*, 8, 3: 64–72.
5. Karataev V.B. The Activity of Foreign Emissaries across the Black Sea Coastline Area // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research, 2014. № 1, pp. 4–12.
6. Arkhivnyi otдел administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 7–8.
7. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 10.
8. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 8. L. 13.
9. GAKK. F. 261. Op. 1. D. 833. L. 3.
10. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 10. L. 21.

11. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 10. L. 24.
12. Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoyu komissiei. Tiflis, 1879. T. 3. S. 213.
13. Tam zhe. 1881. T. 9. S. 513.
14. Tam zhe. S. 520.
15. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 5.
16. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 50b.
17. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 6-7.
18. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 9.
19. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 90b.
20. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 10.
21. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 15.
22. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 150b.
23. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 22.
24. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 25-250b.
25. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 270b.
26. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 34-340b.
27. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 370b.
28. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 37-370b.
29. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 38-380b.
30. Yudin P. Lzheprorok Ushurma-shikh Mansur (Iz istorii religioznykh dvizhenii na Kavkaze) // Russkii arkhiv. 1914. № 10. S. 221.
31. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 289. L. 11-14.
32. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 112.
33. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 20-45.
34. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 390. L. 108.
35. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 932. Op. 1. D. 88. L. 6-130b.

УДК 940

Переход убыхов на русскую службу как следствие мирных инициатив первой половины 1840-х гг.

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Владимир Гаврилович Иванцов

³ Елена Степановна Устинович

⁴ Нина Ивановна Крюкова

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

^{1, 2} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: sochio03@rambler.ru

² кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

³ Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Доктор политических наук, профессор

E-mail: lenausti@mail.ru

⁴ Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Доктор юридических наук, профессор

E-mail: info@rea.ru

⁵ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов, рассматриваются факты принятия убыхскими князьями присяги на верность императору Николаю I. При подготовке статьи использованы документы Российского государственного исторического архива, государственного архива Краснодарского края и архивного отдела администрации города Сочи. Авторы показывают, что в первой половине 1840-х гг. убыхскими князьями и русской администрацией предпринимались результативные шаги для умиротворения региона. В итоге ряд убыхских князей стали офицерами русской императорской армии. Однако полного умиротворения не произошло. Причиной этого стала разобщенность горского общества, возникшая в результате политики России.

Ключевые слова: убыхи, черкесы, горские князья, присяга, русская администрация, Николай I, иностранные эмиссары, аманаты.